

**Из истории философских
и социально-политических учений**

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-35-52

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**К характеристике философии истории периода
Рестаурации: Пьер Симон Балланш**

А.А. Кротов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация.

В статье анализируется учение Балланша о направленности истории и ее движущих силах. Представитель раннего французского романтизма придавал большое значение чувству, понимаемому как связующий элемент мудрости, морали, искусства. Чувство склоняет человека также к религиозной вере, которая должна служить ключом к пониманию истории. Различая моральный и интеллектуальный аспекты человеческой природы, Балланш видит в их взаимном несоответствии специфику современного ему этапа истории. Именно разрывом между ними он объясняет события Великой французской революции, рассматривая ее как первое значительное антирелигиозное выступление. Призывая к примирению всех враждующих партий, он предлагал обратиться к древним традициям. Балланш разделял историю на три большие эпохи. Если первая прошла под знаком торжества политеизма, то вторая характеризуется распространением христианства, третья же будет отмечена освобождением мышления. Эпохи взаимосвязаны, предполагают друг друга, все главные открытия человечества сохраняют для них свое значение. В основе «социальной палингенезиса» Балланша лежат представления о периодическом возрождении, восстановлении общества, преобразовании обветшалых его форм. Но для него стержнем социального организма всегда служит мораль, неотделимая от религии. Общество меняется, но никогда не гибнет. Выступая с критикой просветительской мысли, Балланш отвергал как теорию общественного договора, так и концепцию народного суверенитета. Политическое будущее он видел в преобладании принципа конституционной монархии. Особое значение он придавал учению о человеческой солидарности, с которым связывал ближайшие политические перспективы. В концепции Балланша соединены консервативные элементы с идеей прогресса, а его философия истории служит ценным свидетельством тех настроений, которые характерны для немалой части представителей французской интеллектуальной культуры первых десятилетий XIX века.

Ключевые слова: французская философия, критика Просвещения, философия истории, Великая французская революция, философия XIX века.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя федерального УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение».

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Для цитирования: *Кротов А.А.* К характеристике философии истории периода Реставрации: Пьер Симон Балланш // Философские науки. 2019. Т. 63. № 9. С. 35–52. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-35-52

On the French Philosophy of History of the Restoration Period: Pierre-Simon Ballanche

A.A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes Pierre-Simon Ballanche's doctrine about the driving forces and directionality of history. The representative of early French Romanticism attached great importance to the feeling, which was understood as connecting element of wisdom, morality, and art. Feeling also inclines a person to religious faith, which should serve as a key to understanding of history. Distinguishing moral and intellectual aspects of human nature, Ballanche sees in their mutual mismatch the specificity of the modern stage of history. It is the gap between the moral and intellectual that explains the events of the French Revolution, considered by Ballanche as the first significant anti-religious movement. Calling for reconciliation of all warring parties, he proposed to turn to ancient traditions. Ballanche divided history into three big stages. The first was the triumph of polytheism, the second was characterized by the spread of Christianity, the third will be marked by the liberation of thinking. These stages are interconnected, flow one into another, all the main discoveries of mankind retain their importance for them. At the heart of Ballanche's theory of "social palingenesis," there are ideas about the periodic revival, the restoration of society, the transformation of its dilapidated forms. But for him, morality, inseparable from religion, is always the core of the social organism. Society is constantly changing but never dying. Criticizing Enlightenment ideas, Ballanche rejected both the theory of social contract and the conception of popular sovereignty. He saw a political future in the prevalence of

the principle of constitutional monarchy. He attached special importance to the doctrine of human solidarity, which he considered topical in the near-term political prospects. In Ballanche's theory, conservative elements are connected to the idea of progress, and his philosophy of history provides valuable evidence of the sentiments that were characteristic of French intellectual culture of the first decades of the 19th century.

Keywords: French philosophy, criticism of the Enlightenment, philosophy of history, French Revolution, philosophy of the 19th century.

Artem A. Krotov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Chairman of the Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”).

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

For citation: Krotov A.A. (2020) On the French Philosophy of History of the Restoration Period: Pierre-Simon Ballanche. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 9, pp. 35–52. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-35-52

Введение

В истории французской мысли первой трети XIX века доминирующая роль принадлежала философским концепциям, прежде всего ставившим своей целью осмысление закономерностей общественного бытия. Среди многообразных подходов, получивших распространение в послереволюционную эпоху, особым влиянием пользовались разные версии традиционализма и социализма. Но не менее важными оказались философские построения ранних романтиков как в плане популярности их оценок недавнего прошлого, так и в отношении их суждений о будущем. В ряду блестящих представителей романтизма немалое внимание современников привлекала к себе фигура «лионского мистика». Пьер Симон Балланш (1776–1847) родился в семье владельца типографии. В юности, следуя традиции и осваивая профессию отца, он с увлечением отдавал свои силы и литературным занятиям. Первым значительным выражением этого увлечения стал трактат «О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами» (1801), за которым последовали «Фрагменты» (1808), «Инес де Кастро» (1811), «Антигона» (1814). В 1803 году молодой литератор становится членом Лионской академии. После смерти отца переезжает в Париж, публикует «Опыт об

общественных установлениях в их отношении к новым идеям» (1818), «Опыты социальной палингенезии» (1827–1829), «Видение Гебала» (1832). В 1842 году Балланш избран в состав французской Академии. Друг Шатобриана, он неоднократно упоминается на страницах «Замогильных записок». «Лишь мой неразлучный спутник господин Балланш присутствовал и при начале, и при конце моего жизненного странствия; на его глазах возникали и прекращались по воле времени мои привязанности, на моих глазах Рона уносила вдаль его увлечения» [Шатобриан 1995, 370].

В трактате «О чувстве» Балланш заявляет о намерении создать новую поэтику, которая одновременно связывала бы нравственность с искусством и раскрывала бы происхождение человеческих склонностей и способностей. По его мнению, ощущения, совесть, мысль – таковы три неразрывных элемента, синтез которых образует человеческую природу. «Чувство – это нравственная сила, которая инстинктивно, без помощи разума выносит суждение обо всем, что живет по законам животной, личностной и духовной природы. Чувство никогда не разделяет эти три сферы: оно воспринимает их мгновенно и разом». Чувство лежит в основе искусства, ибо оно и вдохновение, и мера красоты. Но вместе с тем оно и нечто большее: «Я называю чувством внутреннюю убежденность в существовании Бога и бессмертии души; врожденную веру в основополагающие истины; спокойствие чистой и безупречной совести» [Балланш 1982, 37–38]. Чувство – источник страстей, нравственности, мудрости. Гениальный человек чувствует прекрасное в мире, он творит, подражая природе, воплощая высокий идеал. Уже в первом своем труде, производящем впечатление написанного в порыве поэтического вдохновения, Балланш выступает как религиозный мыслитель; не случайно он превозносит Паскаля за глубину суждения, а в произведениях Фенелона видит образец для законодателей будущего.

Этапы истории и ее главные факторы

В «Опыте об общественных установлениях» он говорит о своем желании по примеру Тацита быть беспристрастным историком, не примеряя к себе роли наставника народов. Балланша интересуют не отдельные события, а общая направленность исторического процесса. Себя он характеризует как частное лицо, не связанное ни с какими партиями, чуждое карьерным побуждениям. Как полагает Жорж Наве, готовивший «Опыт» к изданию в составе

знаменитой серии «Корпус философских сочинений на французском языке», этот текст существовал в виде наброска еще до крушения Первой империи, хотя завершение получил только в 1816 году. В своем обращении к читателю Балланш упоминает, что обстоятельства помешали его немедленной публикации. Он отмечает, что стремился уяснить определяющие черты своего века, связав его с прошлым и будущим. Для понимания истории, согласно Балланшу, необходимо разграничивать моральную и интеллектуальную сторону человеческой природы. Хотя они и неотделимы друг от друга, для автора «Опыта» очевидно, что в его эпоху между ними наблюдается несоответствие, явный дисбаланс. В то время как нравы французского народа выглядят застывшими, в его сознании появилось множество новаторских идей. Мнения не отвечают нравам, и это обстоятельство надлежит принять во внимание как «элемент исчисления» при построении теоретических обобщений. В принципе, нравы, привычки людей также подвержены изменениям. В прошлом французы уже усваивали новые для них правила поведения, сохраняя неизменной основу своего характера – приверженность принципу чести, который для них всегда выступал чем-то вроде «гражданской религии». Каждый народ, по Балланшу, выполняет особую, возложенную на него Провидением миссию. Она «священна и таинственна», раскрывается народу Творцом неизъяснимыми путями. Назначение Франции – находиться во главе общеевропейского движения. По его мысли, зримым доказательством этого тезиса, «знаком» его истинности служит повсеместное использование французского языка в качестве средства международного общения.

Сравнивая Людовика XVI с Наполеоном, автор «Опыта» полноправным законодателем объявлял казненного монарха. «Бонапарт оказался во главе революции, но только революции, и совсем не во главе идей века» [Ballanche 1991, 26]. Его господство, по Балланшу, являлось узурпацией, сделавшей неизбежной постоянную войну деспота с суверенами Европы. Для того чтобы удержаться у власти, Бонапарт был вынужден насаждать силой оружия варварство, находясь в среде цивилизованных народов. Он понимал, что не имеет поддержки со стороны мнения века, а потому стремился спрессовать события, ускорить само время, дабы созданные им учреждения казались традиционными. Бонапарту не удалась смена династии, ибо корни монархии залегают слишком глубоко в общественной жизни. Королевскую власть не передают путем

выборов, не следует забывать, что ее тайна сопряжена с алтарем. Правящие династии представляют собой орудия Провидения, которое использует их для того, чтобы избежать чрезмерной изменчивости общества, сопряженной с бесчисленными превращениями. Роль монархов тем более значительна, что, по сути, они неотделимы от народов, которыми управляют. «Христианские династии составляют единое целое с христианскими народами». Отсюда уверенность Балланша в том, что современная ему европейская политическая ситуация должна быть истолкована так, будто именно «Людовик XVIII реально, следовательно, поставлен во главе своего века» [Ballanche 1991, 29]. Подтверждение тому он видит в Хартии, дарованной французским королем народу, но не полученной от него: монарх тем самым выступил защитником «вечного принципа человеческих обществ». Он избежал роковой ошибки, унаследовав трон так, как и надлежало, не приняв «революцию, совершенную людьми», но склонившись перед тем, что совершило само время. В то время как королевская власть подобна отцовской, узурпация всегда оборачивается тиранией: Бонапарт уничтожал традиции, «осквернял могилы». Император «совсем не верил в религию Иисуса Христа, на которую смотрел как на человеческое установление, и по причине этого – как на сооружение в руинах» [Ballanche 1991, 122]. Реставрация свершилась по воле Провидения, иначе трудно объяснить столь «чудесное и непредвиденное» возвращение к власти, казалось бы, навеки низложенной династии. Будущее цивилизации философ связывает с конституционной монархией.

Балланш призывал к объединению всех партий, что возможно, по его мнению, если уважительно отнестись к интересам всех, прочувствовать движущие противниками резоны, воздержаться от взаимных обвинений и сарказма. Очевидно, идея примирения подразумевала осознание конфликтующими сторонами принципов истинной философии истории. Разумеется, она предполагала и развиваемую в «Опыте» оценку революции: «Во время ужасных сатурналий, которые исторгли столько слез у нашей родины, традиции чести и славы продолжали сохраняться среди всех нас» [Ballanche 1991, 31]. Нашлись благородные, возвышенные умы, защищавшие религию и укорененные глубоко в душе «социальные верования». Их поступки так или иначе можно счесть послужившими прославлению человеческой природы. Наполеоновские войны также следует рассматривать в перспек-

тиве требований чести: географически в тех местах, где некогда французы отступили под давлением обстоятельств, они смогли отомстить за свои давние обиды. С другой стороны, во Франции закономерно должен был явиться человек, предназначенный исполнить роль «бича Божьего». Ибо Провидение в наказание людям предоставило им злоупотребить дарованной свободой, следствием чего оказалось их временное подчинение тирану, «человеку судьбы». Выполнив предназначенную ему роль, он сошел со сцены, лишившись власти. Будущее Европы, по Балланшу, намечено знаменательным событием: «возвращением короля» во Францию. Правда, чем же тогда объяснить феномен «ста дней»? Для автора «Опыта» это досадный эпизод, который он желал бы поскорее вычеркнуть из памяти: «20 марта было концентрацией всех антисоциальных сил», «нужно, следовательно, тщательно избегать включения этого фатального междуцарствия в нашу моральную и политическую хронологию» [Ballanche 1991, 35–36]. Триумфальное, хотя и временное, возвращение Наполеона для Балланша – всего лишь некая реминисценция.

Мнения людей быстрее изменяются, чем нравы. Эти изменения можно назвать прогрессивными, ибо, согласно Балланшу, человеческий разум всегда движется вперед, не испытывая отступлений, не переживая никогда упадка. Разуму человечества «не позволено быть неизменным», застывшим, ему присуща непрерывная активность. Но она проявляется на пути «темном и таинственном», где он сталкивается с точками напряжения и кризисов. Человечество в чем-то подобно индивидууму: проходит разные этапы своей жизни, его ожидают переломные события. Государства рождаются и умирают, но их судьбы связаны, они закономерно сменяют друг друга, появляясь не на пустом месте, а наследуя друг другу. Все поколения соединены воедино, ибо человечество – одно целое. Поэтому учение о человеческой солидарности – важнейшее среди политических доктрин, оно, по Балланшу, лежит в основе всех религий, поднятое на непревзойденную высоту христианством.

Подобно тому, как для отдельного лица юный возраст исключительно важен в плане личностного формирования, ибо в этот период происходит сбор тех данных, на основе использования которых создается индивидуальность, так и для человеческого рода огромное значение имеют события древней истории. Для Балланша именно ранние шаги разума, давно уступившие место другим формам социального бытия, продолжают оказывать

косвенное влияние на жизнь человечества. На его взгляд, ничто в истории не происходит беспричинно, ни одно поколение не творит все «с нуля». Прогрессивное развертывание идей предполагает, что новое вырастает на почве уже существующего. Сперва новые идеи – удел немногих избранных, затем они становятся преобладающими и, наконец, всеобщими. Торжеству истины нередко способствуют даже заблуждения. Так, ложные религии заключали в себе подтверждение истинной: «всякий раз, например, когда в политеизме человек встречал чувство любви, он встречал христианство» [Ballanche 1991, 41]. По мнению Балланша, человек, в отличие от Бога, лишен подлинной способности творить, поэтому выдающиеся новаторы ничего не создают, но лишь «читают в глубине вещей» то, что остается скрытым от остальных людей.

Свой век Балланш считал переломной точкой в истории, моментом, когда человечество достигло «эпохи конца и обновления. Общество не покоится более на тех же основах, и народы нуждаются в установлениях, которые будут находиться в связи с их будущими судьбами» [Ballanche 1991, 55]. Он говорит о начавшемся движении «к новой социальной земле». При этом роль общеевропейского законодателя отводится им Франции, достигшей, с его точки зрения, социального «примирения». Ключевое значение он придает Хартии, в которой для него важен дух, а не отдельные положения. В этом смысле Хартия заключает в себе метод решения «великой проблемы новых установлений», указывает направление грядущих изменений. Этап социальных разрушений завершен; начинается строительство нового. Этот процесс соединяет в себе и свободу человека, и действие необходимых, установленных свыше, законов. Размышляя о будущем, Балланш в категорической форме отвергает идею народного суверенитета. Народ нуждается в политическом руководстве. Он также призывает государей Европы осознать, что будущее связано не с наращиванием мощи их армий, не с политическими альянсами, не с территориальными приращениями и раздлами. Основа преобразований лежит совсем в иной плоскости: «общество должно быть заново помещено под защиту религиозных чувств, которые к счастью сохранились, и которые должны послужить воссоединению всех социальных чувств» [Ballanche 1991, 68]. При этом французский мыслитель настаивал на том, что попытки насильственно ускорить либо задержать интеллектуальное движение человечества подвергают общество опасности, в итоге несколько не приводя к цели.

Вытесняемые новыми, старые идеи умирают. Они исчерпывают свое содержание, теряют популярность, изнашиваются. Но гибель идей – своего рода агония, нередко «длительная и ужасная», ибо не проходит безболезненно для общества.

Балланш был убежден, что подчинить философию истории сугубо рационалистической методологии невозможно. «Мы желаем позитивное учение, которое могло бы быть нам доказано наравне с математической проблемой. Что делать? Бог и его атрибуты, человек и его способности навсегда останутся таинственными объектами; основы всякого общества равным образом ускользнут от нескромного факела человеческого разума» [Ballanche 1991, 78]. Мировосприятие Балланша пронизывают мистические мотивы. Для него постижение общественного развития – многомерный процесс, включающий совместную работу воображения и рассудка, подразумевающий и длительный анализ, и внезапные, иррациональные прозрения. Без поэзии философия достигнет немногого.

По мнению автора «Опыта», несмотря на изменчивость, наблюдаемую в истории, само «общество не может погибнуть», какую бы форму ни придавала ему судьба. Человек – социальное существо, связанное с другими людьми посредством слова. Слово и общество – две границы человеческой свободы, установленные Провидением. Для Балланша «слово есть откровение, которое никогда не покидало человеческий род и которое никогда его не покинет» [Ballanche 1991, 186]. Языки, как и социальные установления, возникают по воле Провидения. Люди не изобретают их, человеческий произвол не в силах поколебать предначертанное свыше. Вне общества человек не смог бы реализовать свои способности, он не имел бы будущего. Более того, «естественное состояние» человеческого рода, по Балланшу, – «химера», созданная философами. С его точки зрения, безупречное опровержение теории договорного происхождения государства уже давно дано Фенелоном.

В истории автор «Опыта» выделяет три эпохи. Первая связана с безраздельным господством воображения, преобладанием политеистических верований. Вторая определяется распространением христианства, это эпоха морального освобождения. Наконец, третья, современная, несет с собой освобождение мысли. Это «вторая эмансипация» в истории. Третья эпоха сохраняет главные достижения двух предшествующих, она подготовлена ими. Завоеванная истина не должна быть утрачена.

Религиозное чувство Балланш определяет как «род инстинкта», способствующего сохранению человеческого существования. Религия, будучи неотделима от морали, примиряет нравы с обновляющимися идеями. Философ объявляет законными революции, направленные на достижение свободы, и «антисоциальными» – ставящие целью равенство. За лозунгами, призывающими к равенству, он видит только недостойный замысел подвергнуть разделу чужую собственность, расхитить, присвоить ее. Концепция политического равенства породила множество преступлений, злоупотреблений, несчастий. Согласно Балланшу, Гераклу вновь предстоит победить Антея, принцип цивилизации восторжествует над антиобщественными силами. Социальная иерархия входит в число необходимых условий существования людей. Он считал, что во французской истории неудачно смешались две революции, подталкиваемые людьми и самим временем. Постепенные изменения нравов вызывает время, человеческие мнения их заметно опередили. Отсюда влияние идеи равенства и связанные с ней последствия. Вместе с тем именно прогресс в области идей больше всего сближает всех представителей человечества. История направляет народы к единению, причем исключительную роль в этом процессе играет христианство. Что же до французов, то религия, родина и законный король в глубине их национально-го характера соединены одним общим чувством. Это чувство спасло от разрушения и Францию, и всю Европу. Поэтому династия Бурбонов – фактор цивилизационной стабильности. Но это фактор, разумеется, не единственный. «Наши нравы основаны на христианстве; христианство не может исчезнуть из общества без того, чтобы само общество не исчезло» [Ballanche 1991, 109]. Представители всех сословий нуждаются в утешении, надежной жизненной опоре.

Каждый народ с момента появления на сцене истории предчувствует свое назначение, хотя не всегда понимает его в полной мере. Выполняя свою миссию, народы реализуют предвечный замысел. Так, завоевания Александра Македонского способствовали распространению греческого языка, послужившего впоследствии средством к распространению христианства. Римские захваты привели к созданию обширного объединения, подготовленного к восприятию религиозной истины. Испания, некогда создавшая обширнейшую державу, предназначена беречь достойные древние традиции. Англии была поручена свыше роль хранительницы

благотворных для существования общества идей до тех пор, пока во Франции не прекратится революционная анархия и не восстановится законный порядок.

Французская революция, по Балланшу, единственная в истории, носившая по большей части антирелигиозный характер, именно поэтому ей свойственны «антисоциальные» черты. Это особая эпоха, ни с чем прежним не сравнимая. Ожидать после нее создания новых религиозных форм не приходится – они уже достигли своего совершенства в христианстве. Дух анализа, требование все доказывать, метафизическая вера вступили в столкновение с чувством любви, эмоциональными потребностями, приверженностью древним святыням. Корни политической революции – в Реформации, связаны с революцией религиозной. От осуждения духовного авторитета недалеко до выступления против светской власти. В сущности, «все вопросы, которые касаются существования общества, являются вопросами религиозными» [Ballanche 1991, 112]. Прежде, чем революция охватила гражданское общество, она сполна обнаружила свои принципы в религиозной сфере.

Династии, согласно Балланшу, существуют как в политической, так и духовной сфере. Можно выстроить поэтическую генеалогию, восходящую к Гомеру. В философии на протяжении целых веков господствовала школа Аристотеля. Но автору «Опыта» свидетельство поэта кажется для истории важнее мнений политика или философа, ибо обращение к музам всегда предполагает опору на глубокие традиции, в то время как суждения теоретиков могут быть лишены прочных оснований, ошибочными, преувеличенными, бесплодными. Романтизм – «абсолютно новая литература», нашедшая во Франции свое выражение в творчестве де Сталь, Делиля, Шатобриана. Она вводит новшества стиля, проповедует независимость от классических правил, но при этом может восприниматься как «памятник» давним «социальным привязанностям». Что же до классицизма времен Людовика XIV, он превращается в нечто из области археологии, перестает отвечать состоянию общества.

Подвергая критике новейшую философию, Балланш утверждал, что она шла вразрез с подлинным духом века, ибо выступала против религии. На ее место философы собирались поместить мораль, не замечая, насколько она сама определяется религией. Будучи увлечены борьбой с предрассудками, они ограничивались частичным рассмотрением человека, не охватывали с должной

полнотой его природу. Согласно Балланшу, на человеческую природу «клеветали», попытавшись свести все поступки людей к интересу, эгоистическому расчету. Он считал несостоятельными все философские учения, склоняющиеся к материализму.

Непрерывность социального бытия

В произведении «Опыты социальной палингенезии» Балланш заявлял о своем намерении развить идею Шарля Бонне применительно к обществу, показать, как за преходящими формами может скрываться нечто сохраняющееся, не подверженное гибели. Главную цель труда он формулировал таким образом: «Я хочу выразить великую мысль моего века. Я хочу найти во всех сферах различных человеческих способностей эту доминирующую, глубоко благожелательную и религиозную мысль, которая получила от самого Бога величественную миссию организовать новый социальный мир» [Ballanche 1830, 5]. При этом он стремился, намекая на подражание Данте, изучить области для большинства людей недоступные, «таинственную колыбель всех человеческих судеб». Современное общество он рассматривал как находящееся в состоянии трансформации, которая представляет собой выпавшее на его долю тяжелое испытание. Свой подход он характеризует как опирающийся, прежде всего, на давние традиции, связанные с религией. Человек – общественное существо, без контакта с себе подобными он обладает только «возможностью существовать». Отвергая теорию общественного договора, Балланш относил к числу иллюзий и деистическую концепцию естественной религии. По его мнению, человеческие сообщества меняются, сохраняя свою «моральную идентичность», индивидуальность. Выделяя два главных типа объяснения мироустройства, он связывает их с понятиями судьбы и Провидения. В первом случае люди склонны придавать чрезмерное значение окружающему их злу, обвинять общество и Бога, а то и вовсе отрицать его наличие. Во втором они признают божественный источник общественных учреждений, свободу воли, существование высшей справедливости. Соответственно, возникают два типа политической философии: в одном случае ориентируются на материальные факты, в другом – на моральные.

Согласно Балланшу, древние космогонические мифы, правильно интерпретированные, приведут к тому же результату, что и современная наука. Они представляли собой введение в

Библию. Ветхозаветное описание мира сообщает то же самое, что и «книга природы». «Придет день, который будет последним для этой земли», но вселенская катастрофа затронет лишь здешнее воплощение мыслящих созданий, одну фазу их бытия. Постигание будущего возможно через изучение законов, определявших прошлое. Чем более нам понятно минувшее, тем лучше мы подготовлены к событиям, которые еще предстоит пережить человечеству. Изучение истории позволяет почувствовать взаимосвязь всего происходящего с невидимым «священным тронном». В истории человек проходит испытание, устремлен к самопознанию, уровень его ответственности возрастает. Будучи неизменным в своей духовной основе, человек развивается, совершенствуя свой разум. Мифологические сюжеты символизируют достижения человека в земной жизни. Например, Геракл – символ успешной борьбы с природными стихиями, Орфей – упорядочивающего, цивилизаторского, объединяющего начала. Особое значение Балланш придавал образу Орфея, рассматривая его как обозначение социальной традиции, «порядка вещей», и в этом контексте вопрос о реальном существовании упомянутого персонажа для французского мыслителя не играл никакой роли. Обращаясь к языческим божествам, орфическая традиция в действительности, по Балланшу, превозносила различные атрибуты единого Бога.

Откровение и интуиция – доступные людям средства, позволяющие им раскрыть свое назначение, равно как и главные законы бытия. Существование человека, по Балланшу, подобно короткому отрезку великой параболы, развертывающейся в бесконечность. Разумные существа имеются во многих иных мирах. В краткой земной жизни никто из людей полностью своих способностей не раскрывает. «Самая сильная индивидуальность» за всю историю – Бонапарт – обладал исключительным интеллектом, которому сильно уступало моральное чувство.

Полное освобождение поработенных, давняя мечта человечества, нашедшая выражение в постоянно возобновлявшейся войне плебеев с патрициями, под силу только религиозно ориентированному деянию. «Христианство устранило барьер, разделявший касты и классы, народы и языки» [Ballanche 1830, 344]. Подлинная философия истории по сути своей может быть только религиозной: «Таким образом, глубина догмы о падении человека говорит нам о глубине божественного замысла о нем, и объяс-

няет нам природу человека, также как догма о восстановлении объясняет нам его историю, описывая нам величие его судеб» [Ballanche 1830, 330].

Понимание настоящего и желание его улучшения

Исследователями двух истекших столетий во многом удачно были выделены как ведущие установки творчества Балланша, так и его философские недостатки. Жан-Жак Ампер вполне справедливо рассматривал религиозную веру в качестве главного изменения творчества Балланша: «христианство всегда было как бы субстанцией его морального существования» [Ampère 1849, 13]. Эмиль Шарль говорил о преобладании в методологии Балланша акцента на вдохновение, пророчества, упрекал его в недостатке доказательств и «полном незнании» истории философии. Сильной стороной его учения ректор академии Клермон-Феррана считал «умеренную и благородную» политическую линию. «Это была нежная душа, увлеченная божественными вещами и склонная к поиску тайных причин и невидимых оснований событий; но его ум, не имевший опоры в солидной науке, и в котором воображение имело больше силы, чем рассудительность, делал его более пригодным к изобретению поэтических концепций, чем к открытию философских истин» [Charles 1875, 147]. Жан Филибер Дамирон причислял Балланша к представителям «теологической школы», занимающим по праву в ней важное место. Согласно Дамирону, Балланша выгодно отличает от некоторых ее приверженцев верное понимание настоящего и желание способствовать его улучшению, вместо отрицания и ненависти. В основе учения Балланша он видит мистицизм, не препятствующий, однако, точным суждениям по самым различным вопросам. Превозносит он и личные качества мыслителя, его скромность, безразличие к успеху, готовность склониться перед судом читателя. Вместе с тем для Дамирона несомненно, что «Опыт об общественных установлениях» скорее посвящен истории и политике, чем философии: будучи приверженцем спиритуализма, критик разочарован отсутствием в трактате метафизики в привычном ему понимании [Damiron 1834, 286–287, 293].

Эмиль Брейе относил Балланша к разряду социальных пророков, связанных с европейскими эзотерическими группами. Он отмечал, что «Балланш придает истории религиозный смысл», но при этом «для Балланша духовенство отстает от выполне-

ния своей задачи и следует быть одновременно религиозным и антиклерикальным». Брейе констатирует склонность автора «Опыта» к отождествлению морального единства с божественным правом: «В этом заключается критерий легитимности власти, который позволяет Балланшу осуждать Бонапарта; этот последний, со своим презрением к людям, обнаруживает тип человеческой мысли, противоположный мысли божественной» [Bréhier 2004, 1145–1148].

Исследователи нередко расходились в своих оценках значения Балланша для последующей философии. В частности, для Виктора Лапрада лионский академик – бесспорный гений, что, к примеру, он стремился подтвердить такого рода наблюдениями: «Единство, совершенная однородность системы, этот признак оригинальных мыслителей встречается в редкой степени в творчестве Балланша» [Laprade 1848, 7]. Со своей стороны, Антонен Сертийанж относил Балланша к числу «вторичных мыслителей», которые продолжают традиционализм Л. Бональда, Ж. де Местра и «поддерживают аналогичные идеи» [Sertillanges 1941, 238]. В современных работах подчеркивается зависимость «лионского теософа» от мартинизма, генетическая связь его наследия с идеями Бонне и де Местра, он характеризуется как «антимилитарист, антиклерикал», приверженец «внутреннего мистицизма» [Faivre 2001, 185]; кроме того, отмечается стремление Балланша выступить в роли «наблюдателя» переломного отрезка истории, размышляя о границах провиденциального плана [Dumas, Sorel 1992, 1593].

Заключение

Философия истории Балланша представляла собой оригинальный синтез разнородных элементов, попытку соединения как просветительских, так и клерикальных установок. Доминирующей ее тенденцией выступал, конечно, провиденциалистский подход. Его особенность у Балланша связана с поэтическим, не стремящимся к научной точности, способом подачи материала, ориентированным на вдохновение, интуицию, чувство. Большое значение он придает древней традиции, в которой выделяет морально-религиозное ядро. Подобно просветителям, лионский философ развивает идею прогресса применительно к истории человеческого разума. Как и энциклопедисты, он апеллирует к господствующим идеям века, хотя и склонен толковать их иначе. Для него важна роль обще-

ственного мнения. Причины прогресса он видит прежде всего в интеллектуальной сфере. Классики XVIII века Вольтер и Руссо в его глазах заслуживают симпатии своим литературным талантом, хотя с их философскими теориями он готов вести непримиримую борьбу. Просветительскому мировосприятию Балланш противопоставляет подчеркнутую религиозность. В его учении о познании исключительное значение имеет тезис об ограниченности возможностей человеческого разума, дополняющийся мистическими мотивами. Он отвергает идею народного суверенитета и концепцию общественного договора. В противоположность просветителям он не выражает скепсиса относительно правомерности сакрализации наследственной монархии. Более того, он утверждает наличие онтологических корней у многовековой системы правления, поставленной под сомнение французской революцией. Просветительская модель кажется ему ограниченным, частичным рассмотрением человеческой природы. Он отрицает в принципе возможность свести к интересу причины человеческих поступков. Занимаясь политическими вопросами, он как мудрец, претендующий на обладание сокровенным знанием, стремится оказаться вне партий, мелочных столкновений, низменных интересов.

Балланш был убежден в наличии стабильного элемента социального бытия, несмотря на изменчивость, свойственную политическим учреждениям. Эта тенденция его философии и истории имплицитно включает в себе метафизический подход. Стабильность и обновление для него находят объяснение в сфере духа. Революция в рамках принятой им схемы выступает в качестве наказания и испытания, ниспосланного человеческому роду.

В концепции Балланша консервативные элементы сочетаются с желанием убедительно раскрыть популярную у современников идею прогресса. Свою задачу он решает, анализируя историю сквозь призму личного опыта, сопряженного с восприятием событий революционного времени. В стремлении выявить смысл современных событий ему далеко не всегда удавалось находить глубокие, удачные объяснения. Так, например, Балланш мрачно пророчествовал, что с исчезновением наследственной монархии французская нация может прекратить свое существование. Он придавал преувеличенное значение Хартии, дух которой, как ему казалось, будет преобладать в XIX столетии. Но многие его идеи вызывали одобрение у последующих философов и политиков. Такова идея солидарности, понимаемая как торжество социальной

справедливости, осуждение милитаризма, трактовка интеллектуального фактора как основы политического сближения народов. Рассматривая человечество как единое целое, он настаивал на том, что народы, его составляющие, всегда будут сохранять свою индивидуальность. Общее должно существовать благодаря особенному, но не за счет его растворения, уничтожения. Подобного рода идеи, несомненно, сохраняют свое значение и для сегодняшнего дня.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Балланш 1982 – *Балланш П.С.* О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами // Эстетика раннего французского романтизма / сост. В.А. Мильчина. – М.: Искусство, 1982. С. 33–70.

Шатобриан 1995 – *Шатобриан Ф.Р. де.* Замогильные записки. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

Ampère 1849 – *Ampère J.-J. Ballanche.* – Paris: René et C., 1849.

Ballanche 1830 – *Ballanche P.S. Oeuvres.* Т. I–IV. Т. III: Essais de palinogénésie sociale. – Paris: Barbezat, 1830.

Ballanche 1991 – *Ballanche P.S. Essai sur les institutions sociales.* – Paris: Fayard, 1991.

Bréhier 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. – Paris: PUF, 2004.

Charles 1875 – *Charles E. Ballanche* // Dictionnaire des sciences philosophiques / sous la dir. de Ad. Franck. – Paris: Hachette, 1875. – P. 147–148.

Damiron 1834 – *Damiron Ph.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle. Т. 1–2. Т. 1. – Paris: Hachette, 1834.

Dumas, Sorel 1992 – *Dumas J.-L., Sorel R. Ballanche* // Encyclopédie philosophique universelle / sous la dir. d'André Jacob. Vol. III: Les oeuvres philosophiques. Т. 1. – Paris: PUF, 1992. P. 1593–1594.

Faivre 2001 – *Faivre A. Ballanche* // Dictionnaire des philosophes. – Paris: Albin Michel, 2001. P. 185.

Laprade 1848 – *Laprade V. Ballanche, sa vie et ses écrits.* – Lyon: Léon Boitel, 1848.

Sertillanges 1941 – *Sertillanges A.-D.* Le christianisme et les philosophes. Les temps modernes. – Paris: Aubier, 1941.

REFERENCES

Ampère J.-J. (1849) *Ballanche*. Paris: René et C. (in French).

Ballanche P.S. (1830) Essais de palingénésie sociale. In: *Ballanche P.S. Oeuvres* (Vols. 1–4; Vol. 3). Paris: Barbezat (in French).

Ballanche P.S. (1982) Sentiment Considered in Its Relationship to Literature and the Arts In: Milchina V.A. (Comp.) *Aesthetics of Early French Romanticism* (pp. 33–70). Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Ballanche P. S. (1991) *Essai sur les institutions sociales*. Paris: Fayard (in French).

Bréhier E. (2004) *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF (in French).

Charles E. (1875) Ballanche. In: Franck A. (Ed.) *Dictionnaire des sciences philosophiques* (pp. 147–148). Paris: Hachette (in French).

Chateaubriand F.R. de (1995). *Memoirs from Beyond the Grave*. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyyh (Russian translation).

Damiron P. (1834) *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle* (Vols. 1–2; Vol. 1). Paris: Hachette (in French).

Dumas J.-L. & Sorel R. (1992) Ballanche. In: Jacob A. (Ed.) *Encyclopédie philosophoquie universelle. Vol. III: Les oeuvres philosophiques* (part 1, pp. 1593–1594). Paris: PUF (in French).

Faivre A. (2001) Ballanche. In: *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel (in French).

Laprade V. (1848) *Ballanche, sa vie et ses écrits*. Lyon: Léon Boitel (in French).

Sertillanges A.-D. (1941) *Le christianisme et les philosophies. Les temps modernes*. Paris: Aubier (in French).